

— Через две недели - 13 февраля я отправился в длительный вояж: Ленинград, Апатиты, Мурманск, Москва. В Ленинград со мной ехали Сашуля и Митя. Сашуля на встречу однокурсников, ну и Митю решили с собой взять - любителя путешествий. В Калининграде он обожал "открывать новые районы", а тут огромный новый город. Митя ведь уже бывал в Москве, Севастополе, Владимире, а вот в Ленинграде впервые.

— Остановились в Сестрорецке, у Бургвицев. Дядя Вова с тётёй Тамарой не видели Митю полтора года - с августа 1979-го года, когда они были в последний раз у нас в Калининграде. За это время Митя, конечно, сильно изменился, повзрослел, посерьёзней, ещё бы - шесть лет почти уже, в этом году в школу пойдёт. Своими географическими познаниями он потрясал всех окружающих. Изучение карт стало его любимым занятием. Целыми днями он ползал по ним, непрерывно при этом что-то бормоча. Он мог подробно прокомментировать (и показать, разумеется) маршруты всех путешествий Робинзона Круза вплоть до кораблекрушения у необитаемого острова. В знании столиц с ним невозможно было состязаться. Есть такая игра - называешь государство, а соперник должен назвать его столицу. Митя загадывал обычно столицы таких государств, про которые ты и слышать-то не слыхивал: Аомынь, например, а это, оказывается. Макао - португальская колония в Китае, или островные государства какие-нибудь: Фиджи там или Соломоновы острова.

— А в Сестрорецке он увлёкся Носовым. До сих пор он читал из Носова только про Незнайку, а тут полное собрание сочинений, "Весёлая семейка", "Мишкина каша" и т.д., и т.п. Помнится, в детстве мне Носов очень нравился.

— Мне с Митей лишь раз удалось выбраться в Ленинград, ходили в Военно-Морской музей, где по Митиному обыкновению осмотрели всё чрезвычайно тщательно. Да ещё раз ездили с дядей Вовой и Сашулей в Разлив к шалашу Ленина по чудесной зимней морозной погоде. По озеру прошлись как-то, обойдя всех рыбаков, поленившихся ехать на залив за корюшкой и высиживавших здесь плотвичек и окушков. А один день дядя Вова с тётёй Тамарой провели с Митей в Зоологическом музее, где он их совершенно замучил, не позволяя ни одно чучело пропустить и разглядывая всех жуков и бабочек. Домой они без ног явились, валясь от усталости.

Митя в феврале 1981 г. с мамой Сашулей и тётёй Майей Бирюковой в Калининграде

—А встреча с курсом разочаровала.

—Собрались в "восьмёрке" - столовой нашей. Шагимуратов приехал. Наших близких друзей - никого. С Сашулиной группы геофизиков ни одного человека, только Лене Кретовой Сашуля очень обрадовалась - в одной комнате в общежитии с ней жили, да Галке Пироговой, да Ире Сидоровой. Я пообщался немного с Анькой Пушель, с Олей Тимофеевой, Мишей Поповым, Игорем Красновым. Подошёл ко мне Игорь Моисеев, про которого я совсем уже забыл, а ведь это за него и Севку Орлова я ходатайствовал перед отцом, чтобы тот взял их к себе в экспедицию. Севка вскоре сбежал с кораблей, а Игорь так и осел в Севастополе, работает в Гидрофизине, но Милочку не знает, в другом здании работает.

—Вообще, оказалось, что я не помню имена и фамилии подавляющего большинства своих однокурсников. Физиономии, конечно, знакомые все, а как зовут - хоть убей, не могу вспомнить, прямо неудобно даже. Это побудило меня организовать за столом переключку - каждый по очереди вставал и громко объявлял своё имя, фамилию (девчонки - девичью) и город теперешнего проживания. Это очень оживило встречу и облегчило дальнейшее общение, а то отовсюду слышно было как спрашивали друг друга однокурсники:

—- А это кто? А этого не помнишь, как зовут?

—Со всего курса за 15 лет только один защитил докторскую - Боря Шкловский, теоретик, но не с теорфизики, а, кажется, с кафедры физики твёрдого тела.

—Помянули умерших - Таню Крупенникову и Мишку Родионова.

—Двоих уж нет.

И вот очередная печальная новость. От Лариски узнали, что буквально на днях, 12 февраля, погибла Алла Николаевна Суходольская. Подробности мы узнали потом, гораздо позже. Она летела на остров Хейса инспектировать работу тамошней ионосферной станции. При посадке самолёт АН-2 сошёл с полосы, запрыгал по торосам. От тряски в

багажном отделении, что в хвосте самолёта, сорвался с места плохо закреплённый запасной бензобак. Он пролетел по салону, калеча людей и убив двоих - Аллу Николаевну и одного из членов экипажа. Алла Николаевна умерла в больнице, не придя в сознание. — Из-за непогоды тело её потом долго не могли вывести с Хейса и хоронили её в Москве чуть ли не через месяц. Майечка Бирюкова участвовала в похоронах, помогала Галке - дочке Аллы Николаевны. Надо же! Вот судьба - муж погиб трагически, и у неё такой же конец. Успела, правда, бабушкой стать, внучке порадоваться.

— И ещё одна смерть близилась - умирала от рака лимфатических узлов тётя Люся, старшая мамина сестра. Она болела с прошлого года. Её пробовали лечить в больнице, но безуспешно, поскольку её диабет не позволял применять "химию", как она говорила, сильно действующие химические препараты.

— Потом её отпустили домой, какое-то время она даже чувствовала себя лучше, но вскоре болезнь стала быстро прогрессировать, и теперь тётя Люся опять лежала в больнице, здесь неподалёку от Сестрорецка, в моей родной тоже Песочной, в Институте онкологии. Тётя Тамара ездила к ней чуть ли не каждый день, кормила и поила её. Тётя Люся быстро слабела и не могла уже себя обхаживать. Дядя Серёжа тоже ездил к ней почти каждый день на своём "Запорожце", который он получил недавно как инвалид Отечественной войны. Он и тётя Тамара по очереди дежурили у тёти Люси.

— Сыновья же навещали мать редко, оба в командировках всё время. Тётя Тамара говорила, что старший - Вовка очень переживает за мать, Колька же - любимчик тёти Люсин, бездушный какой-то. Его больше волновало, как бы поскорее переселить отца с матерью в кооперативную однокомнатную квартиру (ради Кольки дядя Серёжа и вступил в кооператив), и его раздражало, что отец с матерью чересчур разборчивы, чего-то там выбирают, тянут, не соглашаются. Какая, мол, им теперь разница? Вот засранец. К матери в больницу иногда поддавши приходил, как-то даже на соседнюю койку свободную завалился - я пока отдохну, мол, тут.

— Мы с Сашулей решили навестить тётю Люсю в Песочной и поехали туда с тётёй Тамарой. Вот уж где поистине юдоль печали и скорби. "Раковый корпус". Вот в вестибюле симпатичная девушка с забинтованной шеей спокойно разговаривает со своими родителями. Как могут они спокойно разговаривать?! Вот парень на костылях без ноги ковыляет. Ноги уже нет, но и это ещё не всё, жизнь под угрозой. И дети здесь есть, говорит тётя Тамара.

— Мы поднялись наверх, подошли к палате, где лежали тётя Люся и ещё одна женщина. Тётя Тамара зашла первой, чтобы предупредить тётю Люсю о нашем приходе, но всё равно он для неё оказался очень неожиданным и буквально потряс её. Она заплакала.

— Сашенька, милая! Видишь, какая я страшная!

— Исхудавшая, беззубая, почти безволосая тётя Люся выглядела, конечно, удручающе. Она задыхалась и непрерывно глотала кислород из трубки от кислородной подушки. Мы попробовали её покормить, она поела немного и сказала, что это у неё от нашего прихода аппетит появился. Тётя Тамара сводила её в туалет, перестелила ей постель. Ясно было, что долго тётя Люся не протянет, хотя похоже, что она ещё надеется на выздоровление. И дядя Серёжа уже понимал, что она обречена.

— А дядя Вова один раз только съездил в Песочную и так расстроился, что чуть ему плохо не стало. Больше его туда тётя Тамара не пускала, да он и сам уже не стремился ещё раз увидеть всю эту обстановку.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)